

Дедал всегда изобретал

Сергей Горяев стал народным художником

С. Горяев

Когда что-либо в нашей жизни меняется, это вызывает наивную веру: а вдруг "порядок все же будет"? Тем более если это касается нашей бедной-бедной культуры. Уже несколько лет жизнь в МОСХе – Московском отделении Союза художников России – заметно оживилась. Здесь образован некоммерческий фонд – МОХФ, а на воссозданном комбинате монументально-декоративного искусства нашли пристанище соснуившиеся по большой профессиональной работе лучшие мастера кисти и резца, украшающие города, площади и дома. Несколько лет как возобновил работу выставочный зал "На Беговой". Возглавляет этот фонд, комбинат и выставочную площадку, соответственно в лице председателя, президента и художественного руководителя, Сергей Горяев. Сам художник чрезвычайно изобретательный. Каждый раз, когда перед ним встает очередная задача, он обязательно придумывает принципиальное ноу-хау. Будучи автором и соавтором десятка объектов от Якутии до Канады, которые смело можно считать симбиозом монументальной живописи, декоративной скульптуры, архитектуры и дизайна, он озабочен все новыми и новыми проектами. Только из последних: Дом-музей Владимира Игошева, пространственная композиция "Кристалл", по авторскому определению – "первая в мире жидкокристаллическая скульптура" – и то и другое в Ханты-Мансийске. Декоративный и световой дизайн Международного делового центра и Дома музыки на Красных Холмах в Москве. На днях Сергею Витальевичу ГОРЯЕВУ присвоено почетное звание народного художника России. Мы сидим в мастерской художника и неторопливо

беседуем о превратностях жизни. За окном бесконечное море городских крыш, где-то внизу шумит Третье транспортное кольцо.

– Вы только что завершили оформление ряда крупных общественных объектов, что дальше?

– Сейчас с группой архитекторов работаем над проектом реконструкции Дома-музея Геннадия Райшева в Ханты-Мансийске. Столица округа молниеносно становится современной. Судите сами: Ханты-Мансийский АО – первый по добыче нефти, второй по газу и простому населению, по уровню же социальных гарантий он давно всех обогнал. Мы самым тесным образом сотрудничаем с департаментами культуры и строительства. А для Геннадия Степановича – это историческая родина. Здесь мы просто гордимся.

На мой взгляд, пространственная композиция "Кристалл" – идеальный образчик городской скульптуры. Вместо каменной глыбы – прозрачный мираж, эфемерный, легкий и прозрачный. Стекло и свет, живущие по законам оптики и цветодинамики, – красиво и современно.

– Не планируете ли что-либо подобное устроить в Москве?

– Все как раз началось с реконструкции Zubovskoy площади еще в 1996 – 1997 годах. Предполагались фонтан и декоративная композиция, для которой мы вместе с художником Марией Красильниковой и придумали "Кристалл". Его модель в оригинальном материале – оптическом стекле – теперь в коллекции Московского музея современного искусства на Петровке. Но возникла проблема. Во-первых, хотелось получить скульптуру больших размеров, а в "оптике" это невозможно, стеклянная масса взорвалась бы от собственного веса. Во-вторых, экономический фактор, надо было удешевлять проект. Поэтому пришлось искать что-то, что бы смогло приблизиться к характеристикам оптического стекла. Так возникла "аквариумная" конструкция с оптической жидкостью. Нас поддержал губернатор ХМАО Александр Филипенко, который сам предложил место для установки монумента перед Музеем геологии, нефти и газа. Кстати, когда руководитель такого ранга в лицо знает всех "своих" композиторов и режиссеров и так профессионально судит об архитектуре и изобразительном искусстве, – это дорогого стоит.

(Окончание на 10-й стр.)

Дедал всегда изобретал

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

– Говорят, что с высоты, особенно когда подлетаешь к городу, "Кристалл" похож на северное сияние. Феерическое зрелище.

– Надеюсь, что мы вернемся к развитию этого проекта и здесь, в Москве. Конечно, решение будет новым, нет смысла повторяться.

Сегодня прикладной и средовой дизайн – одно из наиболее перспективных направлений.

– Если учитывать, что вы обладаете опытом старой московской школы монументального искусства, вам и карты в руки.

– Мы делаем вещи, имеющие художественное значение. Именно в этом наша специфика. На дизайн спрос действительно растет, благо поле деятельности расширилось за счет частного жилья, офисов и индустрии развлечений. С общественными гражданскими интерьерами сложнее. Другие масштабы, задачи, уровень и ответственность. Ведь это то, чем будут пользоваться массово. Думаю, что опыт прежней школы будет нужен.

– В вашей семье теперь два народных художника – Виталий Николаевич Горяев, ваш отец, известный художник-график, и вы. Получилась настоящая династия.

– Домашняя среда всегда была для меня чем-то большим, чем может показаться на первый взгляд. В доме царил атмосфера живого интереса к искусству. Именно тогда я понял, что пластика – основа изобразительного искусства. Часть работ этого времени до сих пор является моей визитной карточкой.

– На ваших плечах немалый груз организационной работы. Сегодня таких людей именуют топ-менеджерами. Вы мечтаете о "чистом" творчестве?

– Одно другому не помеха. Это разные формы самореализации. Мне это помогает действовать согласованнее, поскольку вся наша продукция – результат коллективных усилий.

– Возможно ли, чтобы экономическая независимость и творческая свобода мирно уживались?

– Такой государственной поддержки, как раньше, уже не будет. Но если бы это случилось, то означало бы возвращение идеологичес-

кого диктата. Действительно творческие союзы, прежде такие могущественные, превратились в обычные общественные организации. Кто-то прибил к коммерческим берегам, а кто-то и нет, и таких большинство. Однако потенциал сохранился, и оберегать нужно каждого отдельного мастера. А вот как это сделать? Разговор особый.

– В чем сегодня основная проблема художников?

– Государство просто не знает, кого считать художником и каковы критерии. Во Франции, например, существует такой критерий, как доход. Ты считаешься членом союза, если ежегодно как художник зарабатываешь достаточную сумму. Не помню точно, кажется, это что-то около 50 тысяч франков.

– Но это же коммерческий критерий.

– Конечно, коммерческий. Но он подчеркивает профессионализм. При этом не исключается, что и государство финансирует вас через гранты. "Наука – удивительная вещь, – говорил Эйнштейн, – если только с ее помощью не должно зарабатывать себе на жизнь". Заменим науку искусством. Аберрация сознания в основном проистекает из привычки считать себя некими "деятелями", в то время как абсолютное большинство интеллигенции в постсоветском обществе перешло в категорию наемных рабочих.

– Получается, что прежний очень высокий социальный статус профессии сводится к ремеслу.

– Это естественно. Именно такие глубоко психологические моменты и являются самыми главными. И еще, художник в отличие от писателя не может работать дома. Возникает проблема мастерских, их оплаты и много еще чего. Кстати, МОСХ России инициировал поправку в постановление Правительства Москвы относительно льготной оплаты мастерских.

– Структура, которую вы сейчас организовали, по сути – схема о двух концах – и творчество, и производство. Конечно, и раньше существовала система союза и фонда, но тогда были совершенно другие экономические и социальные условия. Как вы считаете, перспективна ли подобная модель существования искусства в России?

– Мы – самоорганизовавшийся холдинг с административными, экономическими и творческими функциями. Только в отличие от других он производит продукцию, которую никто в мире больше не делает. Приоритеты расставлены так, чтобы генерировать, производить и продавать искусство. Но главный фактор, сплотивший людей, – возможность самореализации.

– Так и хочется сравнить вас с гильдией мастеров где-нибудь в средневековой Европе.

– Преимущества заключаются в структуре. Одни делают одно, другие – другое. Мы культивируем двенадцать ведущих позиций, в частности: стекло, римскую и флорентийскую мозаику, монтажный металл, ковку – в этом мы готовы соперничать с кем угодно. Другие направления "прикрывают" наши партнеры, разбросанные по всей стране.

– Профессия "художник" – это работа двадцать четыре часа в сутки. Остается ли место для чего-нибудь еще, хобби, например?

– О да, я люблю путешествовать. Правда, у меня для этого нет времени... Но я надеюсь, что когда-нибудь удастся вволю понаблюдать за подводным миром. Это для меня коллекционное поле и ни с чем не сравнимое удовольствие. Чего стоят одни морские раковины! Когда-нибудь, по выходе на пенсию, буду их писать. Кстати, для моего отца было высшим удовольствием тратить деньги, и я так воспитан. Если вдуматься, то того, что называют хобби, в профессии художника предостаточно. Надо быть любопытным ко всему и во всем.

– Смогут ли зрители где-нибудь увидеть ваши произведения?

– В мае-июне на Беговой показываю "Историю одного натюрморта". Это серия, которую я пишу с 70-х, без малого четверть века. Использую практически один и тот же мотив, но разные материалы и живописные манеры. Коллаж, аппликация, рельеф, керамика, карандаш, акриловые краски. Для меня эта работа имеет концептуальное значение. Кроме того, накопилось много декоративной скульптуры. Хочется показать проекты и вещи в материале.

Беседу вела
Марина НАЗАРОВА